

ТЕАТР СПАСУТ ДИЛЕТАНТЫ?

Моск. комсомольцы, — 1990. — 1 мая
Несколько вечеров у М. Розовского

МАРК РОЗОВСКИЙ — один из интереснейших художников, работающих в современном студийном движении. Он считает, что студийность — средство создания нового искусства, точнее — искусства нового. Вот это новое искусство он и создает — в то время, когда наш театр и профессиональный, и студийный испытывает кризис. Доказательства? Их, к сожалению, очень много; большинство спектаклей современного театра не поражают (исключая некоторые действительно замечательные актерские работы), не удивляют — создается впечатление, что в современном театре — кризис идей (да так оно, пожалуй, есть); и большинство студий тоже больше эксплуатируют новый материал, нежели радуют новыми театральными идеями. ЧТО становится гораздо важнее, чем КАК. Пожар в здании СТА, оставивший зияющую рану в центре Москвы, многими был воспринят символически, как одно из свидетельств прогрессирующего разрушения театра. Это не говоря уже о скольких-то миллионах зрителей, которых наш театр ежегодно не досчитывается в своих залах. Честно говоря, у меня все еще теплится надежда на студии. Когда-то было сказано, по-моему, Мейерхольдом, «театр спасут дилетанты». Ведь кому-то же надо его спасать?

Марк Розовский поставил новый спектакль — Василий Гроссман «Все течет — жизнь и судьба» по повести и роману, по одним из интереснейших и совершеннейших произведений современной прозы — именно эти книги многими были признаны лучшим из того, что появилось в последние годы. Розовский поставил спектакль, поражающий своим «аскетизмом»: пустая сцена, на ней — сколоченная из досок, грубых, почти неошкуренных, — пятикопечная звезда. во второй части — шести-

конечная, на скреплениях досок и на углах горят свечи, которые зажигает актриса. И одинокая женская фигура посреди этих дощатых лучей — одна в белом, другая в черном. Повесть играет М. Рассказова, главы из романа — В. Улик. Это театр, в центре которого — актер. И нужно было огромное доверие к актеру, чтобы решиться на такое. Розовский — решился.

Веру Улик я знаю давно, когда-то видел ее в Казани, где она играла в «Каса маре» Иона Друца, а Маргарита Рассказова — студийка Марка Розовского, из театра «У Никитских ворот».

Я бы сказал, что Розовский — мощный генератор идей, и в этом качестве функционирует уже давно, еще со времен «Бедной Лизы» и «Истории лошади» у Товстоногова. Он придумал еще один спектакль — «Хочу ребенка» Сергея Третьякова, поставленный в 50-летний юбилей казни Мейерхольда.

Мейерхольд не поставил эту пьесу — времени было мало, замыслов — много, да и начальство мешало. Розовский — поставил, со всеми ее несовершенствами, с ее наивностью, «перегибами», как принято сейчас говорить; перегибы весьма по нынешним временам существенны, поскольку любовь сводится в ней к деторождению, к производству потомства. Но спектакль получился веселый, искупающий многие недостатки пьесы, что в сочетании не только с эстетической, но и, так сказать, с мемориальной ее ценностью (Третьяков тоже погиб и даже, кажется, годом раньше Мейерхольда) дает соответствующий эффект. Спектакль поставлен английским режиссером Робертом Личем и оформлен английским художником Джеймсом Мерифилдом; и вообще это первая постановка на советской сцене, с чем я и

поздравляю театр. Стоит сказать еще и о том, что Лич уже однажды ставил этот спектакль — в Бирмингеме.

А Марк Розовский пока поставил другой — «Раздевалку» по собственной пьесе; эту сатиру на международный хоккейный матч со множеством деталей, рисующих наш так называемый большой спорт — якобы любительский и якобы спортивный. Спектакль получился остроумный, со множеством выразительных и смешных деталей — но мне кажется, что он уже несколько, так сказать, морально устарел; на эту бы тему что-нибудь серьезное — не в смысле занудливо-«проблемное», а подлинно серьезное (что, между прочим, не исключает и смеха).

Но для серьезного Розовский избрал другой спектакль — старый, возобновленный им под названием «Карнавал мелюзги» уже классический «Вечер русской сатиры», впервые поставленный им в 1965 году. И тут стало ясно, как изменилось его восприятие — тогда воспринимались восторженно отдельные «хохмы», сейчас они же воспринимаются серьезно, как реальное свидетельство нашего общего неблагополучия. Это относится и к «Карасю-идеалисту» Салтыкова-Щедрина, и к «Сну Попова» А. К. Толстого, и к гоголевскому «Театральному разъезду»; и А. Карпов, старый студиец Розовского, принимает участие в этом спектакле, как будто не прошло столько лет с 1965 года. Спектакль радует первоклассным юмором, свежестью.

Марк Розовский в отличной форме и на самокупаемости. Он делает новые спектакли, которые не только позволяют студии прожить, но еще и утверждают искусство нового.

Юлий СМЕЛКОВ.